

Мифы и мифология XX века: традиция и современное восприятие

Современная наука видит в мифах не плод фантазии или интеллектуальную схему, но акцентирует их действенную природу и ценностный характер. Касаясь проблемы так называемого мифологического мышления, можно с полной определенностью утверждать: для того, чтобы впасть в мифологию, совершенно не обязательно обладать каким-то особым типом мышления. Мифология коренится не в сознании человека, а в его отношении к миру, в системе ценностей, в механизмах социальной регуляции поведения, формах и способах мировидения. Носителями политических мифов вполне могут быть и современные образованные люди.

Говоря о месте мифа в культурной традиции и о психологии мифа, мы прежде всего должны определить, что нас интересуют не сами мифы как определенные представления, верования или повествовательные тексты, но то, как мифы воплощаются в ритуальных практиках, религиозных или морально-этических системах либо повседневных регламентациях поведения.

Надо отчетливо понимать, что миф для носителя традиции и миф для постороннего наблюдателя (в частности, и для ученого исследователя) - это две принципиально разные вещи. И для постижения психологии мифа важно не столько то, что представляет собой сам миф, сколько то, чем он является для носителя традиции. Своеобразный конфликт внешнего и внутреннего восприятия мифа обусловлен тем, что сторонний наблюдатель видит несоответствие мифа реальности, носитель же традиции не сравнивает миф с реальностью, а стремится воплотить его в ней; миф для него более важен и обладает большей ценностью, чем реальность. Последней еще предстоит уподобиться мифу; она еще просто недостаточно совершенна для этого. В пределе миф упраздняет реальность и создает на ее место новую, куда более совершенную и привлекательную.

Для носителя традиции миф является также объектом веры, и как таковой не нуждается в верификации; скорее, наоборот, миф всячески оберегается от тех явлений действительности, которые могли бы посеять в нем сомнение. Мифологический объект выше критики, выше всего, что окружает человека в повседневной жизни, и в то же время он придает ей смысл и приобщает к сакральным ценностям. Таким мифологическим объектом в архаическом обществе могут быть сверхъестественные существа, духи умерших предков, позднее - Бог с окружающими его небесными силами. В

политической мифологии XX в. это вожди, лидеры наций, а также такие собирательные образы, как Родина, партия, народ.

Отношения мифа к традиции сложны и многообразны. Перечислим 4 основные позиции.

1. Мифы лежат в основании культурной традиции; они дают санкцию существующим обрядам и социально-общественным отношениям, объясняют происхождение мира и мироустройство. Смысл мифов как повествовательных текстов в значительной степени сводится к рассказам о первособытиях, перворитуалах, появлении первых людей и первых культурных объектов.

2. Мифология проникает в самые различные сферы жизни и может быть извлечена не только из текстов повествовательного характера, но и из наблюдений над праздниками и обрядами, из способов обращения с материальными предметами и т.д.

3. Традиционность является глубоким внутренним свойством мифологии, ибо мифы не создаются людьми, но достаются им по традиции. Мифология унаследована человеком от предков и перейдет от него к потомкам. Это то, что дает индивиду ощущение его единства со своим народом, его прошлым и будущим. В традиционности этого знания уже заложена его высокая оценка: оно прошло проверку временем, оно уже было опробовано нашими предками, которые не глупее нас были. Не случайно, что важнейшая часть этого мифологического комплекса связана с миром мертвых (почитание умерших, сохранение памяти о них, забота о местах захоронений, сохранение семейных преданий и реликвий и т. п.).

4. Мифология является не только частью культурной традиции определенного народа или племени, но и частью мифологической (или мифопоэтической) традиции всего человечества. Сравнивая мифологии разных народов, мы постоянно встречаем сходные образы, повторяющиеся сюжеты и ситуации. Собственно, наука о мифологии и занята главным образом тем, чтобы объяснить природу этой повторяемости: то ли она результат независимого появления одних и тех же мифов у разных народов, то ли результат распространения мифов из единого центра (или нескольких центров), то ли результат культурных контактов. Во всяком случае все мифы, о которых мы говорим: и архаические, и религиозные, и политические - имеют свойство повторяться.

Понятия мифа и мифологии в XIX в. разрабатывались по отношению к древним и средневековым обществам и религиям. В нашем столетии мы имеем дело главным образом с мифами политическими и идеологическими, которые имеют существенную специфику по сравнению с мифами традиционными (т.е. и мифами архаическими, и мифами религиозными). Что общего у мифов традиционных и политических?

1. И те и другие призваны не только объяснить существующее, но и создать образ новой реальности, которой еще предстоит воплотиться в действительности.

2. Основным объектом мифологизации в обоих случаях является прошлое данного социума, которое сохраняет свою актуальность для настоящего.

3. И традиционные, и политические мифы являются действенной силой, которая организует поведение индивида и человеческих масс, реализуются в общественных ритуалах и укрепляют социальные связи. Они придают осмысленность человеческому существованию, выполняют функции психологической компенсации.

Однако не менее значимы и отличия политических мифов от мифов традиционных. Перечислим лишь некоторые из них.

1. В традиционных мифах объектом мифологизации являются боги, культурные герои или предки, в мифах XX в. - реальные люди и события настоящего и недавнего прошлого.

2. Политические мифы не наследуются из глубины веков, но создаются определенными людьми или группами людей. Эти люди опираются на научные теории своего времени, стремятся придать политическим мифам видимость правдоподобия и наукообразия. Другой вопрос, что миф начинает со временем существовать независимо от его создателей и сами они могут стать его жертвами.

3. Политические мифы, в отличие от мифов архаических, распространяются не устным или рукописным путем, а главным образом через средства массовой информации.

Тоталитарная мифология

Мифология требует, чтобы в нее верили безоговорочно, просто принимали ее как должное, без рассуждений. Для мифологических образов и символов характерна высокая степень эмоциональной насыщенности. Они вызывают у человека не размышления, а смешанное чувство любви и страха, обожания и ужаса. Характерные примеры таких мифологических символов - это образы вождей (например, Сталина или Гитлера), образ Родины-матери, знамя воинской части. Человек мечтает о том, чтобы хотя бы издали, хоть на мгновение прикоснуться взглядом к вождю; он видит смысл своего существования в том, чтобы сохранять свою кровную связь с Родиной; он готов пожертвовать жизнью, чтобы вынести знамя с поля боя.

Политическая мифология не отражает реальность и не стремится ее объяснить; она призвана управлять коллективным сознанием и поведением человеческих масс. В условиях тоталитарного государства мифология стремится не только заместить собой реальность, но и физически ее уничтожить. Так, например, революция, совершенная именем народа, привела к массовому уничтожению того самого народа, во имя которого она якобы совершалась. Отметим попутно, что столь милая К. Марксу идея революционного преобразования мира несет в себе глубокий мифологический потенциал.

Политическая мифология должна быть проста и понятна, она оперирует не отвлеченными представлениями, а доходчивыми, визуально представимыми образами («враг», «товарищ» и др.). Вообще она апеллирует не столько к разуму человека, сколько к его чувствам и эмоциям, к его личному психологическому опыту (не случайно так значимы в политической мифологии образы отца, матери, брата, сына). Она мало проницаема для опыта и для критики извне. Напротив, именно стойкая убежденность, готовность умереть за свои идеалы считаются наивысшим подвигом и достоинством.

Политическая мифология становится важнейшим средством консолидации общества и противопоставления «своих» и «чужих». Она дает человеку силы преодолевать житейские трудности и надежду на то, что все его лишения окупит счастливое будущее всего человечества. В этом отношении политический миф глубоко дегуманизирован; он внушает человеку мысль о том, что его индивидуальная жизнь ничтожна по сравнению с теми задачами, которые стоят перед партией и государством.

Наиболее благоприятны для политической мифологии эпохи тоталитарного правления. Тоталитаризм превращает свою идеологию в своеобразную мифологию, поскольку приписывает ей абсолютную истинность, считая любые другие взгляды в лучшем случае ложными, а в худшем - враждебными. Такое отношение распространяется и на науку, которая призвана подтвердить на конкретном материале справедливость данной идеологии и ложный характер любого другого взгляда на вещи. Государство утверждает свою идеологию с помощью репрессий и распространяет ее посредством внешней агрессии, вмешательства в дела других государств.

Закономерно формируется образ своего государства как осажденной крепости, со всех сторон окруженной врагами. При этом и внутренние проблемы объясняются происками внешнего врага, а несогласные объявляются шпионами иноземных держав. Своему же государству придается мессианское значение. Считается, что это не просто одно из существующих государств, но самое лучшее и передовое; оно представляет собой образец для других государств и народов; это воплотившаяся мечта всего человечества.

С политической мифологией связан особый механизм управления людьми: они должны не просто бояться наказания и подчиняться приказам, но искренне и глубоко верить в необходимость и справедливость такого положения вещей, которое обрекает их на жертвы и лишения. Советская литература и искусство талантливо разработали такую тему, как этика и даже эстетика жертвы, необходимой для достижения великой цели - светлого будущего всех трудящихся. Отсюда образ, известный во множестве литературных и изобразительных воплощений: отряд уходит вдаль, не заметив потери убитого бойца. Предполагалось, что жертвы не только оправданны, но и необходимы, причем более всего ценилось принесение в жертву самого себя - самопожертвование.

Ту идеологию, которая была создана в нашей стране в сталинский период, вполне обоснованно можно назвать тоталитарной мифологией. Явно мифологический характер имело учение о коммунистическом будущем человечества (своеобразная модификация христианской мифологемы Царства Божия на земле) или учение о мессианском предназначении рабочего класса. Сакральное значение приписывалось таким ценностям, как народ, партия, социализм, Родина (с уточнением - «социалистическая» Родина), марксизм (с уточнением - «единственно правильное учение»), государство (с уточнением - «государство рабочих и крестьян»). Человеку предписывалось любить товарища Сталина, верить в грядущее торжество мировой революции и ненавидеть капиталистическое окружение. И при этом отрицалась религия (которая именовалась «поповщиной») и демократические ценности (которые именовались «псевдогуманизмом»).

Тоталитарная мифология, как бы ни относился к ней простой человек, абсолютно доминировала в масштабах государства. Она была замкнутой и монологической; она требовала не столько понимания, сколько запоминания и веры, убежденности. Она не терпела критики, которую непременно считала враждебной, и делала ставку на физическое устранение оппонентов.

Идеи, которые провозглашало государство, разительно не соответствовали повседневной жизни людей, однако тоталитарная мифология находила воплощение в символической реальности военных парадов и массовых шествий, всенародных праздников и партийных съездов, в гигантских стройках и в искусстве социалистического реализма. В то же время колоссальные фрагменты реальности (например, ГУЛАГ) не покрывались тоталитарной мифологией и в этом отношении как бы не существовали для официальной культуры.

Советская идеология рассматривала себя не просто как теоретическую концепцию, но как единственно правильное учение. Характерно, что марксизм недостаточно было просто знать, в него нужно было верить. Нельзя было и разувериться в марксизме: это автоматически исключало человека из круга «своих» и выталкивало его в реальное небытие или в небытие символическое, т.е. в эмиграцию. Отказ от марксизма оценивался не как смена убеждений, а как предательство.

В различных мифологиях известно представление о священной книге, которая продиктована Богом или упала с неба; эту книгу никто не может прочитать до конца, но тем не менее в ней заключена истина. Нечто подобное представляли собой собрания сочинений классиков марксизма-ленинизма, которые стояли на видном месте в каждой библиотеке.

Миф о православном царстве возродился в мифе о первом в мире социалистическом государстве трудящихся. Это государство имело свой пантеон, состоящий из основоположников идеологии и государства, свой некрополь и свою историю, которая осмыслялась исключительно мифологично (подлинная история начиналась как бы только с момента Революции; все, что было до этого, рисовалось как многовековое царство мрака и несправедливости).

Мифы изображают не конкретные случаи, произошедшие в прошлом, но события, сохраняющие актуальное значение для современности. Поэтому, например, в советской

идеологии такое значение приписывалось годовщине Великой Октябрьской социалистической революции и дню рождения Ленина. В каждом городе и даже поселке обязательно должен был стоять памятник Ленину, и это символизировало незыблемость и вечную жизнь его учения.

Мавзолей стал зримым образом преодоления смерти, материализацией личного бессмертия, к которому может приобщиться каждый, кто отстоит очередь и войдет внутрь. Во время демонстраций и парадов весь народ и особенно армия показывают свою верность ленинскому делу, а руководители Партии и правительства, стоя на Мавзолее, символизируют то, что они являются продолжателями дела великого Ленина.

Фундаментальное значение для той эпохи имела идея переименования, которое осмыслялось сугубо мифологически: как создание нового объекта - города или деревни, завода или площади. Первые годы Советской власти, да и все последующие, отмечены бесконечной вереницей переименований - самой страны, городов, поселков и улиц. Это желание обессмертить самих себя в географических названиях и, наоборот, стереть с лица земли память о прошлом также, несомненно, имели мифологическую основу. Центральная улица любого провинциального города обязательно переименовывалась в улицу (или проспект) Ленина. На центральной площади непременно стоял памятник Ленину, причем эти памятники имели, как правило, весьма непрезентабельный и даже комический характер.

Памятник Ленину или площадь его имени становились центрами ритуальной жизни города или поселка: здесь проводились праздничные демонстрации и другие торжественные мероприятия, причем местные партийные руководители стояли на трибуне около монумента.

Вся эта конфигурация, с одной стороны, дублировала в меньшем масштабе то, что происходило в Москве на Красной площади, а с другой - явно воспринималась в свете архаических представлений. По-видимому, памятник вождю символизировал его присутствие, а само имя и образ вождя придавали городскому пространству сакральность и идеологизированный характер. Все, кто здесь находились, должны были даже помимо своей воли приобщиться к марксистско-ленинской идеологии.

Одно из важнейших средств консолидации социума связано с оппозицией мы - они. Эта оппозиция имеет универсальный характер, ибо любая группа людей, любое общество

осмысляет себя в противопоставлении другим группам людей и другим обществам. Она имеет и свою позитивную составляющую, сплачивая народ в борьбе против внешнего агрессора, давая человеку чувство причастности к судьбе своего народа, помогая ему преодолевать трудности.

Однако мифологический взгляд на вещи имеет свою специфику. Он проявляется в том, группа, объединяемая местоимением мы, осмысляется не просто как одна из многих, но как единственная в своем роде, а те, кто ей противопоставляются, наделяются звериными или демоническими чертами, им приписываются нечеловеческие пороки и жестокость. Именно такое архаическое осмысление оппозиции мы - они актуализируется в политической мифологии XX в.

В результате вырабатывается отношение к врагам как к нелюдям, которые не заслуживают жалости; их можно только ненавидеть, а при возможности - уничтожать. В качестве них на протяжении XX в. могли выступать в разных ситуациях капиталисты, коммунисты, евреи, немцы, русские, славяне и т.д.

Образ врага имеет визуальный характер; ему приписываются черты зверей или физические уродства. Этот мифический образ призван заместить собой в коллективном сознании реальный образ представителя другой страны или другой национальности. Он прост для восприятия, легко опознается и запоминается. В то же время его нелегко забыть; он западает в подсознание, продолжает тревожить даже тогда, когда о нем не думаешь. От него постоянно исходит потенциальная опасность. Образ врага вызывает целую гамму эмоций - от ненависти и ужаса до презрения и желания с ним разделаться, уничтожить.

В условиях тоталитарного государства оппозиция мы - они становится важным элементом государственной идеологии. Образ врага поддерживается СМИ, получает свое воплощение в литературе и искусстве. Да и реальные события дают богатый материал для его формирования. Важно отметить, что образ врага создается параллельно и нами и ими: только мы создаем врагов из них, а они создают его же из нас. Так, например, если мы возьмем советский и американский кинематограф эпохи холодной войны, то увидим, что образ русского в американском кино и образ американца в советском кино создавался по весьма сходным моделям.

Крах тоталитаризма и новая мифология

Тоталитарная мифология подверглась определенной модернизации в период «оттепели», однако продолжала функционировать - скорее по инерции - до конца 1980-х гг., все больше превращаясь в довольно убогую декорацию. Продолжали совершаться все те же ритуалы, произносились все те же слова, но никто уже в них не верил и воспринималось это обществом не как подлинная мифология, а как бессодержательный спектакль. Тоталитарная мифология лишилась своего психологического и интеллектуального оправдания. Закономерно, что в начале 1990-х гг., с крахом КПСС и распадом СССР, она просто перестала существовать, и почти ни у кого не возникло желания встать на ее защиту.

Тем не менее крах тоталитарной мифологии не привел к демифологизации общественного сознания. Скорее, наоборот, он стал мощным стимулом ремифологизации общественной жизни. В основе этого явления прежде всего лежат, как мне представляется, социально-экономические причины. Реформы проводились непоследовательно и наспех, так что для большинства населения так и осталось неясным, в чем смысл этих реформ и что за общество строится в нашей стране. Приватизация была произведена таким образом, что государственная собственность на астрономические суммы оказалась в руках узкого круга людей. Невесть откуда появились сказочно богатые люди, причем остается совершенно неясным, откуда же взялись их состояния.

На наших глазах возникали финансовые империи, фонды и банки, которые проводили шумные рекламные компании в СМИ, собирали деньги у миллионов людей, а потом в один день оказывались мыльными пузырями. Деятельность создателей финансовых пирамид - это, пожалуй, наиболее яркий пример современного мифотворчества.

Аналогичная ситуация сложилась и в области общественно-политической. Вчерашние демократы оказывались заурядными взяточниками, вчерашние воинствующие атеисты вставали в очередь за благословением у батюшки, первый всенародно избранный президент постепенно превращался в общее посмешище и т.д. Новая власть активно занялась созданием новых символов, и разоренная страна, в которой рабочие и учителя годами не получают зарплаты, стала покрываться отстроенными заново православными храмами и скульптурными монстрами, поражающими своими размерами и нелепостью.

Социальное расслоение, этнические конфликты, локальные войны и террористические акты, ложь политиков и их бездарность - все это те дрожжи, на которых поднимается современное мифотворчество.

Для нынешней ситуации характерно соединение общего неверия в глобальные ценности и доверчивость ко всякого рода слухам и скандальным разоблачениям. Лишенное ясных ориентиров, общественное сознание готово принять на веру любую гипотезу о близком конце света или о тотальной коррупции в высших эшелонах власти. Тем более что эти гипотезы, по-видимому, не так уж далеки от истины. Чем более невероятна сплетня, тем легче она становится сенсацией и тем охотнее тиражируется СМИ.

Если тоталитарная мифология была компактной, легко обозримой, замкнутой и достаточно простой для понимания, то мифология современная характеризуется аморфностью, распыленностью, полицентризмом и неустойчивостью (что, кстати, отчетливо выдает ее переходный характер).

Поскольку мы находимся внутри этой мифологии и отчасти сами являемся ее субъектами, нам, конечно, весьма трудно оценить ее аналитически и тем не менее некоторые наблюдения можно сделать.

1. В современности существует не одна мифология, а множество мифов и мифологий, причем продолжительность их существования может быть весьма незначительной: они возникают, конфликтуют друг с другом и столь же быстро исчезают или трансформируются во что-то иное.
2. Современные мифы, как правило, охватывают не все общество в целом, но отдельные группы населения (социальные, территориальные, половозрастные, религиозные, этнические и др.).
3. Эти мифы различны по своему происхождению: среди них есть и те, которые опираются на отечественные традиции, и те, которые представляют собой инновации (например, связаны с влиянием западной массовой культуры). Они различаются также по продолжительности существования: от мифов-однодневок, которые поражают общественное сознание на неделю-другую, до мифов, которые продолжают многовековые традиции (как, например, религиозные мифы православия или ислама).

Можно наметить 4 группы современных мифов.

1. Это мифы политической и общественной жизни, которые создаются политиками, партиями, журналистами.
2. Мифы, связанные с этнической и религиозной самоидентификацией (например, различные мифы о России и православии, их прошлом и современном состоянии).
3. Мифы, связанные с внерелигиозными верованиями (например, мифы об НЛО и инопланетянах, о снежном человеке, о всемогущих экстрасенсах-целителях и т.д.).
4. Мифы массовой культуры и среди них, несомненно, центральный - миф об Америке и американском образе жизни.

Гонения на народную старину, столь характерные для советского периода, сменились ее апологетикой. Переиздаются большими тиражами дореволюционные книги, посвященные обрядам и верованиям, гаданиям и суевериям русского народа. Одна за другой появляются книги, посвященные славянской мифологии. В рекламных объявлениях предлагают свои услуги маги и колдуны; книжные прилавки заполнены популярной литературой, сборниками заговоров, суеверий, советов на все случаи жизни. Сеансы экстрасенсов одно время передавали на всю страну по телевидению.

Старинные обряды и верования стали оцениваться не как предрассудки, подлежащие искоренению, а как важнейшая часть исконных русских традиций. При этом народная традиция уже не противопоставляется христианской, как это было раньше, а рассматривается с ней в единстве.

На наших глазах из различных элементов формируется новый миф о прошлом русского народа, который, оказывается, всегда был народом благочестивым и глубоко верующим и никогда не отказывался от своей веры, даже в эпоху воинствующего атеизма.

Мифы техногенной цивилизации

Техника в XX в. не только радикально изменила соотношение возможного и невозможного, но и сделала вполне реальным то, для чего ранее требовалось вмешательство сверхъестественных сил (например, полеты по воздуху или изрыгание огня).

Благодаря кинематографу появилась возможность не только представить себе умственно, но и реально увидеть, а увидев, прочувствовать, как выглядит душа человека после смерти, как прилетают космические пришельцы и вступают в контакт с землянами, как монстры и вурдалаки разрывают людей или пьют из них кровь и т.д. Для сотен миллионов людей искусственный мир кинематографа стал не менее реальным, чем мир, окружающий их в повседневной жизни.

Такие категории мифологического мышления, как сверхъестественное и чудо, своеобразно актуализировались в XX в. Благодаря техническим достижениям многое из того, что еще 150 лет назад казалось чистой фантастикой, стало повседневной реальностью. Например, телевизор или видеомаягнитофон - это своеобразные модификации сказочного волшебного зеркалаца, самолет как бы воплотил в жизнь мечту о ковре-самолете и т.д.

В фольклоре многих народов существовало представление о том, что в мифические времена люди обладали чудесными способностями: они умели летать, знали секреты вечной молодости и т.д., а потом лишились этих способностей, так как утратили магические приемы. Можно сказать, что научно-техническая революция вернула человека в мифические времена, и он снова может летать, мгновенно передавать сообщения на гигантские расстояния и т.д.

Технические достижения многократно увеличили возможности человека, но не сделали его умнее. Напротив, они создали предпосылки для еще более изощренного подавления личности и оболванивания человеческой массы. Техногенные катастрофы, войны с применением новейших средств уничтожения противника, стихийные бедствия (в частности, и те, которые связаны с деятельностью человека), - все это способствует росту эсхатологических настроений. Эти настроения подогреваются слухами о том, что люди погибнут то ли от СПИДа, то ли от озоновой дыры, то ли от потопа, вызванного потеплением климата.

Человечество как бы вернулось к ситуации первых веков христианства, когда вот-вот,

буквально со дня на день ожидалось Пришествие Господне и Страшный Суд. Земля давно оплетена железной паутиной, небо бороздят железные птицы, в городах всю ночь горят электрические солнца - и трудно назвать, какое еще из предсказаний Апокалипсиса мы не увидели своими глазами.

Род человеческий еще никогда не смотрел так осязаемо в лицо смерти. И это, кстати, придает особый характер современным политическим дебатам, ибо в конечном счете речь идет о том, кто получит возможность управлять ядерными ракетами, которые в силах уничтожить все живое.

Мифы сегодняшнего дня

В свое время Бердяев описал «душу России»; с помощью антиномий. Мы вынуждены констатировать, что и на исходе столетия сознание России остается столь же разорванным и противоречивым, как это было в начале века.

Такое состояние сознания поддерживается социальным неравенством, неожиданной нищетой миллионов, оставшихся без средств существования, выброшенных на обочину жизни. Отчаяние и нищета не могут долго уживаться рядом с сытостью и вседозволенностью. Нетрудно догадаться, какие чувства вызывает реклама нового шампуня у человека, лишенного возможности накормить своих детей. Это ощущение нестабильности, неуверенности в завтрашнем дне также становится питательной почвой для мифологии.

Борьба с тоталитарной идеологией, развернувшаяся с конца 1980-х гг., как известно, имела непоследовательный и неокончательный характер. В значительной степени она свелась к разрушению символов тоталитарной мифологии, таких как памятник Ф.Э. Дзержинскому на Лубянской площади. Однако даже это дело не было доведено до логического конца и до сих пор сохраняется пантеон на Красной площади, как бы символизируя собой, что прошлое нашей страны еще живо и может вернуться.

За последние 10 лет ситуация многократно менялась, и мы будем говорить только о том, что происходит непосредственно в момент проведения нашей конференции, т.е. в сентябре 1999 г. (мы легко допускаем, что к моменту публикации сборника ситуация уже

совершенно изменится).

Мы живем в поле полнейшей правовой и идеологической неопределенности. Эта общая неразбериха наиболее наглядно проявляется в области символики: чего стоит, например, сочетание на одном околыше звездочки с двуглавым орлом! Другой характерный пример - параллельное существование таких дефиниций, как «Великая Октябрьская социалистическая революция» и «октябрьский переворот».

Столь же противоречива оценка самого русского народа, степени его религиозности, характера народного православия. Одни видят в народных верованиях славянское язычество, чуть прикрытое легким флером христианских воззрений, другие пишут о полной православной ортодоксии народа, его благочестии и религиозной праведности. Оба взгляда тщательно аргументируются, обосновываются крупными специалистами, обремененными всеми мыслимыми учеными степенями.

И что уже совсем странно - столь же противоречиво оцениваются и те события, которые произошли буквально у нас на глазах, в которых многие так или иначе сами участвовали - распад СССР, путчи 1991 и 1993 гг., приватизация, экономические реформы.

За последние годы не был доведен до конца ни один политический процесс, ни один раз политические преступники (в том числе и те, кто виновен в гибели людей) не понесли наказания. Однако это не означает и того, что эти люди оправданы и доказана их невиновность.

Скандальные разоблачения и частые смены правительства порождают уверенность во всеобщей коррумпированности и вседозволенности. Политик еще только назначен на высокий пост и приступает к ответственной деятельности, а публика уже предчувствует, что вскоре он окажется героем разоблачительного скандала с какими-нибудь банковскими счетами или с девочками в бане.

Общественное сознание пришло в состояние полнейшего хаоса. Нет ничего достоверного и надежного, все истины поколеблены, все авторитеты разрушены, нет ничего, что бы не подвергалось осмеянию и разоблачению.

И в этом смысле наша современность стала пространством тотального засилия мифа. Есть правительство, но никто не знает, управляет ли оно чем-то на самом деле. Есть политики, бизнесмены, министры, но каждый из них может быть завтра убит, арестован, обвинен в коррупции или связях с проститутками. Двойные стандарты, ложь, лицемерие стали почти обязательными атрибутами нашей повседневной жизни.

Сошлемся хотя бы на ту характеристику нынешнего положения дел, которую дает С. Алексашенко на страницах «Московских новостей»:

«Лидер одной политической партии может выйти на улицы под лозунгом «Банду Ельцина под суд», а милиция охраняет покой и спокойствие демонстрантов, идущих под этими лозунгами. Лидер другой политической партии может обвинять министров в том, что они являются агентами иностранных разведок, а всем вокруг почему-то становится весело. Группа вице-премьеров и министров может получать огромные гонорары за так и не написанную книгу. Люди, гордо именующие себя «олигархами», могут довести до банкротства не один банк, оставив вкладчиков ни с чем, и не нести никакой ответственности. <...> Мы в этом живем, мы воспринимаем все это, как само собой разумеющееся, как часть русской специфики, которую иностранцы никак не хотят понять. Однако похоже, что они решили поверить нам и подхватить эту тему, сделав ее «точкой опоры» при описании российской действительности. Если многие иностранцы до сих пор верят, что в России медведи ходят по улицам, то почему они не могут поверить в то, что любой чиновник в нашей стране (вплоть до президента) только и думает о том, как бы получить взятку или украсть что-нибудь у государства? Такая ситуация встречается во многих странах, которые не относятся ни к развитым, ни к развивающимся. Такая ситуация понятна читателю, который искренне хочет понять, почему, если все знают, что «воруют», никто не несет за это ответственности».

Данная ситуация опасна прежде всего своей непредсказуемостью, ибо общество, лишенное ясных ориентиров и консолидирующих целей, не в силах вести себя рационально. Оно склонно действовать либо под влиянием эмоций, либо под влиянием сиюминутных выгод.

Попытка прогноза

Демократия, плюрализм, свобода слова создают возможность дискуссий и тем самым

разрушают тоталитарную мифологию. Однако процесс демифологизации парадоксальным образом породил новый всплеск мифотворчества, ибо привел в движение самые разные слои общества и предоставил возможность самовыражения представителям самых разных идейных течений. В условиях паралича власти и роста социальных антагонизмов это привело к формированию чрезвычайно опасных тенденций, главная из которых - возможность повторного возвращения тоталитаризма.

Демократическая форма правления, которая выдвигает на первый план идею индивида и его личного выбора, ведет к разложению мифологии. Однако это не значит, что демократические, гуманистические или какие-либо иные ценности не могут в свою очередь выродиться в своеобразную мифологию. К сожалению, и сами демократические ценности приобретают мифологический характер, когда они становятся предметом политических спекуляций или когда за них начинают убивать несогласных.

У нас нет серьезных оснований для того, чтобы считать, что со временем мифологии станет меньше или, наоборот, больше. По-видимому, и в обозримом будущем сохранится определенный баланс между рациональным знанием и мифологией. Надежды на то, что человечество поумнеет или сделает рациональные выводы из своего прошлого, чрезвычайно призрачны. Мы входим в новый век и новое тысячелетие обремененные многими старыми мифами и слабой надеждой на лучшее будущее.